

ВЪ ГОСТЯХЪ
У ЭМИРА БУХАРСКАГО

В. В. КРЕСТОВСКАГО

СЪ ТРЕМЯ ПОРТРЕТАМИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издание А. С. СУВОРИНА
1887

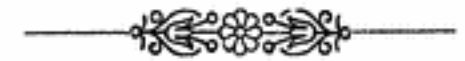
ВЪ ГОСТЯХЪ У ЭМИРА БУХАРСКАГО

М. 54 3 вкл.
81

ВЪ ГОСТЯХЪ
У ЭМИРА БУХАРСКАГО

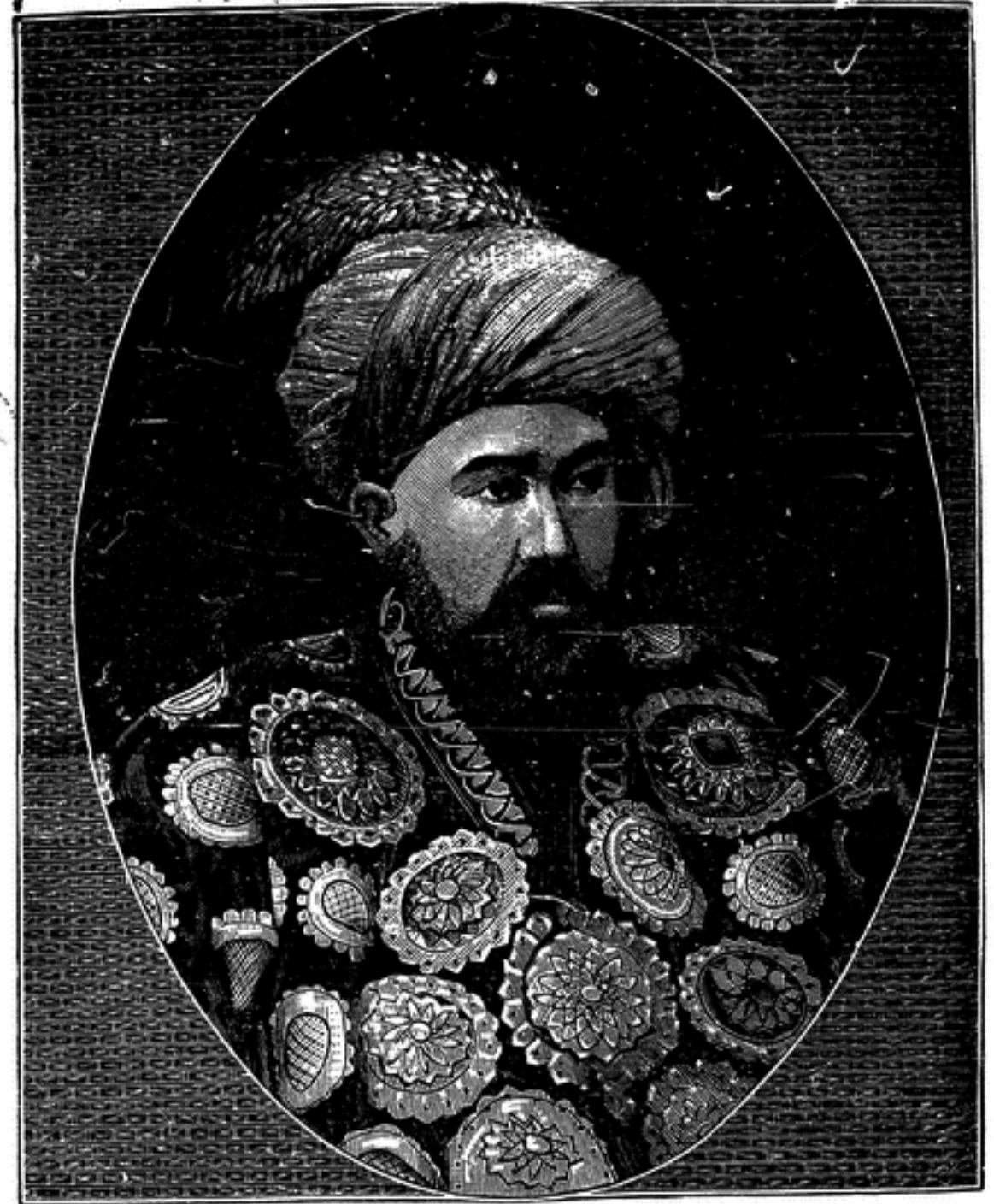
В. В. КРЕСТОВСКАГО

СЪ ТРЕМЯ ПОРТРЕТАМИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издание А. С. СУВОРИНА
1887

Эмиръ Бухарскій Музафаръ-Ханъ.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2

дозв. ценз. спб., 2 окт. 1886 г.

I.

Отъ Ташкента до Самарканда.

Посольство въ Бухару, причины его отправления, его составъ и подарки эмиру Бухарскому. — Выѣздъ изъ Ташкента. — Дорога ташкентскими предмѣстьями. — Старый Ташкентъ и фортъ Чиназъ. — Переправа черезъ Сыръ-Дарью. — „Голодная степь“ и ея обитатели. — Степные курганы. — Станція Малекъ. — Орелъ-стервятникъ. — Цистерна Тамерлана. — Соленая вода и жизнь на степныхъ станціяхъ. — Ливень и морозъ. — Обмерзлые шакалы. — Городъ Джизакъ и укрѣпленіе Ключевое. — Джизакское ущелье и Тамерлановы ворота. — Яны-курганъ. — Теплый вѣтеръ и буря. — Перекати-поле. — Ямщики-туземцы. — Каменный мостъ. — Зарявшанская долина. — Абдуллаховы арки и переправа черезъ Зарявшанъ. — Общій видъ города Самарканда. — Афросіабъ и самаркандскія кладбища. — Легенды объ основаніи города и о происхожденіи имени Самаркандъ.

По приѣздѣ въ Ташкентъ, 5 октября 1882 года, М. Г. Черняевъ засталъ тамъ бухарскаго посланника, токсабу ¹⁾ Рахметъ-Уллу, нарочно присланнаго эмиромъ, чтобы отъ лица бухарскаго властителя привѣтствовать новаго ярымъ-падшаха ²⁾, вручить ему собственноручное письмо эмира, исполненное всякихъ благихъ пожеланій и надеждъ, что дружба Россіи къ Бухарѣ не измѣнится и впредь, и поднести по-

¹⁾ Чинъ, соответствующій полковнику. Произносится токсаба, но пишется тугсаба (отъ слова тугъ, что значитъ знамя съ конскимъ хвостомъ, бунчукъ). Этому чину присваивается, какъ знакъ отличія, тугъ, возимый въ военное время и въ строю особымъ знаменосцемъ за токсабой.

²⁾ Такъ обыкновенно величаютъ туркестанскихъ генераль-губернаторовъ всѣ средне-азіатцы. Ярымъ-падшахъ собственно значитъ половина государя и выражаетъ наивысшую степень власти, какою можетъ быть облеченъ подданный довѣріемъ своего монарха.

четную саблю и прочіе подарки, которые повелитель Бухары посылаетъ во свидѣтельство своей дружбы.

По азіатскому обычаю, любезность необходимо требуетъ равносильнаго отвѣта. Поэтому въ Ташкентѣ было снаряжено особое посольство въ Бухару, въ составъ коего вошли: свиты Его Величества генералъ-маіоръ свѣтлѣйшій князь Витгенштейнъ и подполковникъ Крестовскій въ качествѣ пословъ, маіоръ Байтоковъ въ качествѣ толмача, докторъ медицины Эрнъ въ качествѣ врача посольства. Кромѣ этихъ лицъ, посольству сопутствовалъ хорунжій кавказской милиціи Асланбекъ Карамурзаевъ, какъ частный ординарецъ князя Витгенштейна. Двадцать два уральскихъ и оренбургскихъ казака съ урядникомъ и трубачемъ и десять вооруженныхъ джигитовъ составляли почетный конвой посольства, члены коего должны были передать эмиру отвѣтное письмо главнаго начальника края, вложенное въ сумку изъ дорогой шелковой матеріи, и отвѣтные подарки, состоявшіе изъ слѣдующихъ вещей:

1) Портретъ Государя Императора въ рамкѣ изъ серебра, сдѣланной въ видѣ фронтона русской избы.

2) Двѣ большія хрустальныя вазы въ роскошной серебряной оправѣ для фруктовъ.

3) Два хрустальные кувшина въ серебряной оправѣ для шербетовъ и прохладительныхъ напитковъ.

4) Серебряная сухарница съ изваяннымъ на ней видомъ Московскаго Кремля.

5) Серебряный самоваръ массивной работы.

6) Полный обѣденный фарфоровый сервизъ на двадцать четыре особы.

7) Полный хрустальный сервизъ на то же число особъ.

8) Два куса роскошнаго бархата на халаты.

9) Кусокъ дорогого плюша.

10) Кусокъ парчевой, золотомъ затканой, матеріи.

11) Телефонъ системы Белля съ полнымъ приборомъ къ установкѣ его для дѣйствія.

Двѣнадцатымъ подаркомъ предполагались двѣ большія

фарфоровыя вазы, работы Александровскаго завода старыхъ временъ, съ превосходными рисунками, орнаментовкой и позолотой; но, къ сожалѣнію, по вскрытіи въ Ташкентѣ ящиковъ, въ которыхъ онѣ лежали, обѣ вазы оказались разбитыми.

Подарочныя вещи вмѣстѣ съ конвойными казаками, джигитами и верховыми лошадьми членовъ посольства были отправлены за нѣсколько дней до нашего выѣзда въ Самаркандъ, гдѣ и надлежало имъ дожидаться нашего прибытія.

Задержанное на нѣкоторое время тяжелою болѣзнью князя Витгенштейна, посольство выѣхало изъ Ташкента только 14 декабря къ вечеру.

Дорога до первой попутной станціи Ніязбашъ, на протяженіи девятнадцати верстъ, идетъ вдоль рѣчки Саларъ почти непрерывными садами, которые подступили къ ней съ обѣихъ сторонъ густыми аллеями пирамидальныхъ тополей, карагача и тала.

Глинобитныя стѣнки, обрамляющія эти сады, сгороды и небольшія пашни, тянутся справа и слѣва почти непрерывнымъ рядомъ вдоль пути, придавая ему скорѣе характеръ улицы, чѣмъ дороги; да это, если хотите, и дѣйствительно улица, потому что широкое кольцо садовъ и огородовъ, охватившее Ташкентъ со всѣхъ сторонъ, является непосредственнымъ продолженіемъ самого города и составляетъ его своеобразныя предмѣстья.

Вторая станція, въ 15 верстахъ отъ первой, называется Старымъ Ташкентомъ — Эски-Ташкентъ. Это не болѣе какъ обыкновенный сартовскій кишлакъ съ двумя-тремя караванъ-сараями, предлагающими свое гостепріимство, за извѣстную конечно плату, проходящимъ по пути караванамъ. Но когда-то, въ глубокой древности, какъ указываютъ сартовскія преданія, городъ Ташкентъ (ташъ — камень, кентъ — поселеніе) стоялъ здѣсь, на этомъ мѣстѣ, и только уже впослѣдствіи, постепенно занимая предмѣстьями и садами все новыя и новыя участки земли въ сѣверо-восточномъ направленіи, будто бы передвинулся незамѣтно въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ

на свое нынѣшнее мѣсто, оставивъ прежнему запустѣлому городищу одно лишь имя Старога Ташкента.

Ночь стояла тихая, съ легкимъ морозцомъ, и ѣхать намъ было свѣтло, даже вдвойнѣ свѣтло: и отъ луны, и отъ снѣга, сверкавшаго отраженными лучами. Снѣжныя поляны, озаренныя полною луной, позволяли еще издали различать чернѣвшіеся попутные предметы: мостки, насыпи арычныхъ рововъ, отдѣльно стоящія деревья, тамъ и сямъ киплаки въ сторонѣ отъ большой дороги, изрѣдка фигуру какого нибудь запоздалаго всадника-туземца верхомъ на конѣ или верблюдѣ. Благодаря этому свѣту, мы живо отмахали двадцать верстъ, проѣхали чрезъ сартовское мѣстечко Чиназъ, или вѣрнѣе чрезъ его базаръ, крытый сверху поперечными жердями и цѣновками, и къ третьемъ часу ночи добрались до русскаго Чиназа, гдѣ и заночевали.

15 декабря, вмѣстѣ съ разсвѣтомъ, пара колокольчиковъ подъ русскою дугою дала намъ знать своимъ позвякиваньемъ, что лошади уже запряжены, и мы тронулись далѣе. Русскій городъ Чиназъ если и представляетъ собою городъ, то развѣ въ зачаткѣ: пять-шесть глинобитныхъ домиковъ съ садиками гдѣ живетъ нѣсколько служащихъ, казармы мѣстной команды, почтовая станція, церковка, снаружи похожая болѣе на провіантскій складъ, чѣмъ на церковь, кладбище, обнесенное глинобитною оградой, гдѣ торчитъ нѣсколько деревянныхъ крестовъ, и въ сторонѣ — укрѣпленіе, построенное русскими на сартовскій ладъ изъ глины, прямыми, невысокими зубчатыми стѣнками, — вотъ и все, что носитъ имя Чиназа. Стоитъ онъ на совершенно открытой плоскости, верстахъ въ пяти отъ Сыръ-Дарьи, чрезъ которую здѣсь существуетъ паромная переправа. Между городомъ и берегомъ рѣки раскинулось нѣсколько убогихъ киргизскихъ зимовниковъ, отчасти оживляющихъ видъ пустыннаго побережья. На переправѣ, у разработаннаго землянаго спуска къ пристани, торчатъ два фонаря и столбъ съ прибитою къ нему таксой, а немного въ сторонѣ — двѣ камышевыя сторожки, смастеренныя на подобіе

киргизскихъ юртъ и служація жилищемъ паромному старостѣ и нѣсколькимъ перевозчикамъ. Въ этомъ районѣ своего протяженія, Сыръ-Дарья съ замѣчательною для степной рѣки быстротою катитъ свои мелкія мутно-свинцовыя волны по совершенно плоской, со всѣхъ сторонъ открытой равнинѣ. Оба ея берега падаютъ къ уровню воды невысокими, около сажени, отвѣсными обрывами, которые во время разливовъ совсѣмъ покрываются водой. Общій видъ довольно широкой рѣки и этихъ плоскихъ береговъ унылъ и однообразенъ, и лишь суетливая дѣятельность на переправѣ вноситъ на минуту въ эту монотонно-скучную картину нѣкоторое оживленіе.

Паромы были на томъ берегу, когда мы подъѣхали къ переправѣ. Изъ камышевой сторожки тотчасъ же выбѣжало нѣсколько киргизовъ, и пока одни изъ нихъ, махая руками выкрикивали съ того берега паромъ, другіе живо принялись выпрягать лошадей изъ нашихъ тарантасовъ. Нагруженный развьюченными верблюдами, которыхъ на томъ берегу оставался еще цѣлый караванъ, одинъ изъ трехъ паромовъ вскорѣ отвалилъ отъ пристани и быстро сталъ спускаться внизъ по теченію, такъ что гребцамъ видимо приходилось употреблять немалыя усилія, чтобы преодолѣть силу теченія и направить къ нашей сторонѣ свою неуклюжую посудину. Здѣшніе паромы, это просто плоскодонныя двуносыя барки по мѣстному „каюки“, поверхъ которыхъ положена досчатая настилка. Барка спускается внизъ по теченію, затѣмъ, когда наконецъ гребцамъ удастся подвести ее къ другому берегу, съ нея бросаютъ на берегъ конецъ каната, который тамъ прикрѣпляется къ лямкѣ, надѣтой на лошадь, и эта послѣдняя, понукаемая сидящимъ на ней киргизенкомъ, шажкомъ дотаскиваетъ паромъ до пристани. Съ праваго берега на лѣвый переправа уже значительно легче, такъ какъ пристань того берега расположена ниже по теченію, благодаря чему мы вмѣстѣ съ экипажами и лошадьми перебрались на ту сторону минутъ въ десять.

Здѣсь уже сразу пошла „Голодная степь“, вполне оправ-

дывающая свое суровое названіе. Залегая между лѣвымъ берегомъ Сыра и Нуратинскимъ горнымъ хребтомъ, она тянется верстъ на двѣсти въ сѣверо-западномъ направленіи и сливается наконецъ съ Кизылъ-кумами. Намъ предстояло въ этотъ день пересѣчь ее поперекъ, на протяженіи 120 верстъ отъ Чиназской переправы до города Джизака.

Лѣвый берегъ Сыра покрытъ высокими густыми камышами, заросли коихъ тянутся версты на полторы въ глубь степи. Камышъ этотъ съ виду щетиноватъ и растетъ какъ бы снопами, сплошь покрывая собой отдѣльныя кочки, устлавшія все видимое пространство берега. За полосой камышей, влѣво отъ дороги, на берегу болотистаго плеса или озера, называемаго Чибынтай, высятся развалины чего-то въ родѣ укрѣпленія съ наугольными круглыми башнями. На вопросъ, что это за развалины, ямщикъ-киргизъ, очень порядочно говорящій по-русски, объяснилъ, что въ народѣ мѣсто это называютъ Урумбай-курганъ, но что тутъ не было крѣпости, а просто лѣтъ пятьдесятъ назадъ одинъ богатый человѣкъ Урумбай построилъ себѣ такой дворъ въ свое удовольствіе.

Миновавъ Урумбай-курганъ, вы уже окончательно вступаете въ область Голодной степи. Напрасно взоръ вашъ, блуждая по ея пространствамъ, будетъ искать хотя малѣйшаго естественнаго возвышенія почвы, малѣйшаго деревца или кустика, малѣйшаго намека на человѣческое жильё,—ничего этого нѣтъ: все пусто, однообразно, мертво... Степь во всѣ стороны раскинулась идеально ровною гладью, словно море въ глубокой штиль, и какъ море же, она почти незамѣтно сливается съ чертой горизонта. Ыдешь часъ, ѣдешь два, и все будто на одномъ и томъ же мѣстѣ. Куда ни глянь—повсюду стелется предъ глазами безконечный коверъ изжелта-бураго и рыжеватаго цвѣта. Это засохшіе стебельки степныхъ травъ, торчащіе изъ-подъ снѣга. Говорятъ, что весной, во второй половинѣ апрѣля мѣсяца, эта самая Голодная степь чудо какъ хороша. Тогда она представляется сплошнымъ изумрудно-зеленымъ ковромъ, испещреннымъ безчисленными цвѣтами,

среди которыхъ первое мѣсто принадлежитъ тюльпану, подсиѣжнику и солянкѣ; не мало встрѣчается и красивыхъ на видъ, но отвратительныхъ по запаху, толстыхъ стеблей асфетиды, покрытыхъ шарообразною шапкой зонтичныхъ изжелта-зеленовато-бѣлыхъ цвѣтовъ, — растеніе, которое здѣсь почему-то прозвали „бухарскою капустой“. Наземныя черепахи (Testudo) разгуливаютъ тутъ въ это время цѣлыми тысячами; множество пѣвчихъ птицъ и блестящихъ насѣкомыхъ рѣютъ въ воздухѣ, оглашая пустыню своимъ щебетаньемъ, трескотней и жужжаньемъ. Это истинно весенній праздникъ, весеннее ликование Голодной степи, но увы! длится оно недолго. Едва пройдетъ двѣ недѣли, какъ немилосердно палящее солнце уже окончательно вытянетъ изъ земли всю влагу, скопившуюся въ ней за зиму, и превратитъ почву въ сухой камень; изумрудно-пестрый коверъ быстро начинаетъ блекнуть, желтѣть и едва минуютъ первыя числа мая, какъ степь уже умерла, вся ея растительность окончательно выгорѣла, изсохла и, глядя на жалкіе рыжеватые стебельки, уныло торчащіе, какъ щетинистая щетка, на пепельно-сѣрой поверхности почвы, трудно даже вѣрить, что не далѣе какъ дней десять назадъ все это здѣсь такъ энергично развивалось, росло, цвѣло, благоухало и живмя жило съ такимъ, повидимому, богатымъ запасомъ жизненной силы. Однѣ только большія фаланги, красивые хамелеоны и иныя мелкія и крупныя ящерицы, въ аршинъ и болѣе длиной, разнообразныя змѣи (есть и большія, въ родѣ удавовъ) да отвратительные клещи остаются неизмѣнными обитателями Голодной степи на все остальное время убійственныхъ жаровъ, продолжающихся при полномъ бездождіи почти до октября мѣсяца. Даже черепахи въ эту пору исчезаютъ въ своихъ норахъ и появляются сравнительно рѣдко. Между тѣмъ самая роскошь и изобиліе этой растительности видимо свидѣтельствуютъ, что почва степи сама по себѣ очень хороша и сторицей окупала бы труды земледѣльца, будь лишь въ достаточномъ количествѣ вода... Еслибъ удалось искусственнымъ путемъ, посредствомъ ли арыковъ, или посредствомъ

артезианских колодцев, оросить хотя бы часть Голодной степи, то тут мы имѣли бы лучшія, можетъ быть, пашни этого края. Что орошеніе этой степи дѣло далеко не невозможное, о томъ свидѣлствуютъ и понынѣ мѣстами замѣтные на ней слѣды и остатки древнихъ арыковъ. Когда-то энергіи человѣка удалось уже здѣсь побѣдить сопротивленіе природы и обратить мертвую пустыню въ населенный и цвѣтущій оазисъ, но это было въ очень отдаленной древности, и можно думать, что какія нибудь войны или нашествія иноплеменниковъ вынудили культурныхъ обитателей степи удалиться изъ нея, бросивъ на произволъ судьбы свои арыки и пашни, и съ тѣхъ поръ она снова обратилась въ „голодную“. Относительно этихъ древнихъ арыковъ, судя по сохранившимся слѣдамъ ихъ направленія, имѣются всѣ основанія думать, что одни изъ нихъ, и именно тѣ, что встрѣчаются въ восточномъ концѣ степи отъ Урумбай-кургана до станціи Малекъ, истекали изъ Сыръ-Дарьи и въ нее же впадали, то есть были какъ бы ея искусственными рукавами; другіе же, орошавшіе степныя пространства ближе къ ихъ центру, направлялись не отъ Сыра, а отъ горъ, со стороны Джизака, что и подтверждается слѣдами арычныхъ сооружений, которыя преимущественно попадаются въ южной и западной частяхъ степи, имѣющей въ общемъ пологій склонъ къ востоку, въ сторону Сыра. И вотъ почему было вполнѣ бесполезно продолжать начатыя въ 1871 году гигантскія работы по сооруженію большого арыка для орошенія Голодной степи со стороны Ходжента: казенныхъ денегъ и землекопнаго труда похоронено въ этомъ дѣлѣ цѣлая бездна, а результатовъ никакихъ, такъ что генералъ-губернаторъ нашелъ нужнымъ прекратить дальнѣйшее сооруженіе широко, но непрактично задуманнаго арыка. Не успѣли бы мы бы опытъ съ артезианскимъ колодцемъ? Повидимому, сѣверо-восточные склоны Нуратинскаго хребта своею достаточно пологостью подають надежду, что устройство артезианскаго колодца могло бы увѣнчаться полнымъ успѣхомъ. Будь лишь вода, и степь въ три-четыре года покрылась бы рос-

кошными садами, рощами и аллеями. Солнце здѣсь безъ воды убиваетъ; съ водой же оно въ самый непродолжительный періодъ времени, отъ трехъ до пяти лѣтъ, дѣлаетъ просто чудеса въ растительномъ мірѣ: глядя на иное дерево, въ родѣ напрымъ павлоніи, и прикидывая къ нему глазомѣромъ нашъ сѣверный масштабъ, вы думаете, что оно растетъ по крайней мѣрѣ лѣтъ тридцать, и не рѣшаетесь повѣрить, когда вамъ говорятъ, что нѣтъ еще и пяти лѣтъ, какъ оно посажено.

Но вотъ впереди на горизонтѣ прорѣзался силуэтъ высокаго кургана. Влѣво отъ него, верстахъ въ трехъ, начинается показываться другой, подобный же, еще лѣвѣе — третій. Это урочище извѣстно у кочевниковъ подъ именемъ „Учъ-Тюбе“, то есть три бугра; по нимъ ориентировались проходящіе караваны. Почтовая дорога пролегаетъ какъ разъ мимо крайняго кургана, такъ что я могъ осмотрѣть его довольно обстоятельно. Происхожденіе его, равно какъ и двухъ сосѣднихъ, несомнѣнно есть дѣло рукъ человѣческихъ: всѣ они искусственные, то есть насыпные, въ чемъ убѣждаетъ одинаковость основныхъ формъ не только этихъ трехъ, но и прочихъ кургановъ, встрѣчавшихся намъ на дальнѣйшемъ пути до самой Бухары и далѣе. Вообще всѣ курганы, видѣнные мною въ степяхъ Средней Азии, мнѣ кажется, можно подраздѣлить на три рода: военные, могильные и молотильные (для молотыбы пшеницы). Я еще не разъ буду имѣть случай возвратиться къ этому предмету, а потому, оставляя пока рѣчь о курганахъ могильныхъ и молотильныхъ, скажу нѣсколько словъ о военныхъ или стратегическихъ, къ числу которыхъ относятся и три кургана (Учъ-Тюбе) Голодной степи. Они, какъ и всѣ прочіе военные курганы, имѣютъ продолговатую форму съ уклонами скатовъ около 45° , и у всѣхъ одинъ конецъ (въ данномъ случаѣ восточный) значительно возвышается въ видѣ четырехсторонней усѣченной пирамиды надъ остальною поверхностью кургана. Если вы начертите профиль обыкновенной полевой батареи съ нѣсколько болѣе возвышеннымъ брустверомъ, но безъ рва, то это будетъ типичнѣйшій силуэтъ

здѣшнихъ боевыхъ кургановъ. Въ степи, гдѣ очень мало движенія и жизни, они сохранились лучше, цѣлѣе, чѣмъ въ мѣстахъ населенныхъ. Подъ Самаркандомъ, напримѣръ, и вообще въ непосредственномъ сосѣдствѣ густо населенныхъ мѣстъ и даже среди самыхъ селеній Зарявшанской и Шахрисябской долинъ, или подъ Бухарой, гдѣ на подобныхъ курганахъ и ребятишки играютъ, и скотъ пасется, и вообще происходятъ разныя отправления житейскаго осѣдлаго быта, эта рѣзкая очерченность курганныхъ формъ, подъ вліяніемъ постоянной непосредственной близости человѣка, уже значительно скругляется и сглаживается, такъ что во многихъ курганахъ вы встрѣчаете лишь два рядомъ стоящіе бугра, одинъ побольше, другой поменьше и подлиннѣе, которые соединены или спаяны между собою какъ бы возвышеннымъ сѣдlistымъ перешейкомъ. Эту послѣднюю сглаженную форму мнѣ неоднократно доводилось встрѣчать въ нашихъ новороссійскихъ и бессарабскихъ степяхъ у многихъ изъ такъ называемыхъ „сторожевыхъ“ кургановъ, и это наводитъ меня на предположеніе, что происхожденіе тѣхъ и другихъ одинаково; быть можетъ даже, что и средне-азіятскіе и новороссійскіе курганы суть произведенія одного и того же народа. Фронтъ ихъ, то есть наиболѣе возвышенная часть, какъ уже сказано, обращенъ на востокъ къ Сыръ-Дарьѣ, а въ другихъ на юго-востокъ къ великой горной странѣ Центральной Азіи, и если они служили въ качествѣ сторожевыхъ и опорныхъ пунктовъ, то стало быть врагъ народа ихъ соорудившаго надвигался съ востока, отъ Памира, и оттѣснялъ аборигеновъ страны все дальше и дальше къ сѣверо-западу. Преданія мѣстныхъ жителей считаютъ всѣ эти курганы произведеніемъ рукъ человѣческихъ и относятъ ихъ происхожденіе къ глубокой древности, „много, много раньше Тимура“. И надо замѣтить, что, по тѣмъ же преданіямъ, курганы эти имѣли значеніе военное, въ чемъ и самъ я, впрочемъ, имѣлъ случай отчасти убѣдиться на станціи Яны-курганъ, гдѣ на подобномъ же бугрѣ сохранились еще слѣды недавняго бухарскаго укрѣ-

пленія въ видѣ разрушенной глинобитной стѣны съ зубцами. Это послѣднее укрѣпленіе хотя и принадлежитъ новѣйшему времени, но основныя начертанія и формы его, какъ и всѣ вообще формы жизни и быта Средней Азіи, остаются неизмѣнно все тѣ же, что и во времена глубокой древности.

Первая станція въ Голодной степи (20 верстъ отъ Сыръ-Дарьи) называется Малекъ. Станціонный домъ и дворъ съ постройками обнесены съ четырехъ сторонъ глинобитною стѣной, въ родѣ редута, который фланкированъ съ двухъ противоположныхъ по діагонали угловъ круглыми башнями съ бойницами внутри и съ зубчатыми стрѣльницами на кровляхъ. Хотя башни эти служатъ не болѣе какъ складочнымъ мѣстомъ для фуража и сѣна, но въ случаѣ надобности могли бы послужить и защитой противъ степныхъ хищниковъ, барантачей, которые еще нѣсколько лѣтъ назадъ хозяйничали около Мурза-Рабата, служившаго имъ притономъ, да и теперь не вполнѣ можно сказать, что пора ихъ безвозвратно миновала. Около того же Мурза-Рабата взятъ былъ ими въ плѣнъ покойный поручикъ Служенко, испытавшій въ Бухарѣ всѣ невзгоды клоповника; попадались одиночные казаки или солдаты, а особенно жутко приходилось обратнымъ ямщикамъ-киргизамъ.

Подѣзжая къ станціи, не далѣе какъ въ десяти шагахъ отъ жилья, замѣтили мы большого бурокрылаго орла-стервятника съ неоперенными головой и шеей бѣлаго цвѣта, сидѣвшаго на кучѣ стараго мусора и навоза. Общій видъ этой гологоловой птицы совершенно напоминалъ африканскаго грифа. Мы проѣхали мимо нея шагахъ въ пяти не болѣе, но, къ удивленію, орелъ не выказалъ ни малѣйшаго беспокойства при видѣ нашего экипажа въ столь близкомъ отъ себя разстояніи и продолжалъ какъ ни въ чемъ не бывало сидѣть на своемъ мѣстѣ, оглядывая насъ серьезными зоркими глазами. Мы было подумали, что онъ ручной и проживаетъ на здѣшней станціи, но изъ разспросовъ оказалось, что „вольный“ и что на Голодной степи живетъ ихъ много, равно

какъ и дудаковъ (дрофъ), а смѣлы они и доверчивы такъ оттого, что никто ихъ не стрѣляетъ.

Вторая станція въ степи Мурза-Рабатъ безъ малаго въ 34 верстахъ отъ Малека, а третья Агачъ-Та-Рабатъ въ 31 верстѣ отъ второй. Всѣ построены совершенно такъ же, какъ и Малекъ, то есть редутомъ съ фланкирующими башнями. За Агачъ-Та-Рабатомъ въ 22 верстахъ, четвертая станція Учъ-Тюбе (Три Бугра), а за этою послѣдней въ 15 верстахъ укрѣпленіе Ключевое или Рускій Джизакъ, гдѣ и конецъ Голодной степи.

На половинѣ разстоянія между Малекомъ и Мурза-Рабатомъ высится близъ дороги круглое кирпичное зданіе съ куполомъ. Въ общемъ оно имѣетъ форму кочевой киргизской кибитки и даже въ вершинѣ купола оставлено круглое отверстіе, какъ въ римскомъ Пантеонѣ, или все равно какъ тюндюкъ у кибитки.

Спускъ подъ стрѣльчатыми воротами ведетъ во внутренность этой ротонды; семь стрѣльчатыхъ оконъ симметрично расположены по окружности массивной стѣны; но время наложило свою руку и на это прочное зданіе: въ куполѣ сквозятъ уже двѣ-три дыры, и около нѣкоторыхъ оконъ кирпичи пообились и повывалились; но въ цѣломъ зданіе все-таки поражаетъ прочностью постройки, и въ особенности замѣчательнъ въ этомъ отношеніи куполъ, съ основанія и до вершины сложенный изъ безчисленныхъ кольцеобразныхъ рядовъ плоскихъ кирпичей квадратной формы, горизонтально положенныхъ рядъ надъ рядомъ такимъ образомъ, что кирпичъ каждаго вышеидущаго ряда нѣсколько выдвигается внутрь купола надъ кирпичемъ подъ нимъ лежащимъ; въ цѣломъ весь этотъ куполъ образуетъ собой какъ бы опрокинутую верхомъ внизъ лѣстницу круглаго амфитеатра. Этотъ своеобразный способъ постройки, при всей его первобытности, болѣе всего удивляетъ именно своею прочностью. Въ то время какъ въ Европѣ, при всѣхъ усовершенствованныхъ средствахъ современной техники, провалъ куполовъ и сводовъ есть явленіе

далеко не рѣдкое, эти первобытные куполы средне-азиатскихъ пустынь стоятъ себѣ цѣлые вѣка нерушимо, да повидимому простоятъ и еще столько же. Впослѣдствіи намъ приходилось въ нашемъ странствіи по бухарскимъ владѣніямъ видѣть не мало совершенно такихъ же построекъ и съ точно такими же куполами, но ни одного изъ нихъ не нашли мы провалившимся. Эти степныя зданія извѣстны подъ именемъ „сардоба“, что значитъ водовмѣстилище, цистерна. И дѣйствительно, попутная намъ ротонда нѣкогда, и даже еще въ недавнее время, была большою цистерной съ глубокимъ колодезью, который былъ полонъ студеною хорошею водой. Колодезь былъ обложенъ жженымъ кирпичемъ, такимъ же, изъ какого построена и вся эта ротонда, сооруженіе которой мѣстное преданіе приписываетъ самому Тимурленгу, что впрочемъ едва ли основательно, такъ какъ извѣстно, что большая часть степныхъ сардобъ Центральной Азіи построены ханомъ Абдуллахомъ въ XVI столѣтіи нашей эры. Подобныя постройки разбросаны по всѣмъ безводнымъ степямъ нынѣшнихъ и бывшихъ бухарскихъ владѣній, и главнымъ ихъ строителемъ дѣйствительно былъ Абдуллахъ-ханъ, который, если вѣрить преданію, построилъ на своемъ вѣку тысячу сардобъ и тысячу рабатовъ (убѣжищъ). На мѣстахъ своихъ путевыхъ приваловъ, онъ воздвигалъ сардобы, а на мѣстахъ ночлеговъ — рабаты. Типъ этихъ сардобъ вездѣ одинъ и тотъ же, и разнообразится иногда только тѣмъ, что съ сѣверной стороны къ ротондѣ примыкаетъ постройка, въ видѣ возвышеннаго параллелограмма, служащая порталомъ. Постоянная тѣнь и прохлада царствуютъ подъ высокими въ нѣсколько саженъ каменными сводами, и какимъ утѣшеніемъ, какою отрадой служатъ они истомленному путнику въ знойное время года, а зимой являются убѣжищемъ отъ страшныхъ снѣжныхъ бурановъ.

Когда вы спуститесь внутрь такого зданія, то увидите, что окна, которыя снаружи приходятся какъ разъ на уровнѣ окружающей почвы, прорѣзаны на высотѣ около трехъ саженъ отъ вымощеннаго дна цистерны, такъ что самая зала оказы-

вается вырытою въ землѣ. Этимъ объясняется необходимое присутствіе при каждой сардобѣ двухъ-трехъ насыпныхъ кургановъ. Такое углубленное устройство залы вызывалось тѣмъ обстоятельствомъ, что колодезь самъ по себѣ не всегда въ состояніи удовлетворить большое количество каравановъ и служить для нихъ уже какъ бы послѣднимъ запасомъ живительной влаги. Надо быть жителемъ безводныхъ пустынь, чтобы вполне постичь, какая драгоценность каждый глотокъ, каждая капля прѣсной воды, и потому понятна забота этихъ степняковъ, чтобы по возможности ни одна капля годной воды не пропадала у нихъ даромъ. Во время весенняго таянія снѣговъ вся окрестная вода стекаетъ къ сардобѣ, проникая внутрь ея чрезъ порталъ и окна, для чего и старались всегда сооружать такіе водоемы въ пологихъ котловинахъ, если только мѣстность представляла къ тому малѣйшую возможность. Если зима обильна снѣгами, то внешняя вода можетъ наполнить внутренность залы до высоты около двухъ сажень; нѣсколько горизонтальныхъ, въ различной мѣрѣ сырватыхъ чертъ, идущихъ параллельно одна надъ другой внутри ротонды, на углубленной части ея стѣны, наглядно показываютъ вамъ какъ высока была внешняя вода въ водоемѣ за нѣсколько послѣднихъ годовъ; наиболѣе темная и сырая черта опредѣляетъ ея уровень въ послѣднюю весну.

Такова была и наша первая попутная сардоба. Вода въ ея колодезѣ, по рассказамъ, отличалась очень хорошими качествами и изобиліемъ; но въ 1866 году, когда русскій отрядъ шелъ на Джизакъ, эмиръ Бухарскій приказалъ засыпать колодезь, и съ тѣхъ поръ ротонда служить только ночлежнымъ пріютомъ для проходящихъ каравановъ.

— Хотѣли русскихъ потопить безъ воды, объясняли намъ ямщикъ, — а русскіе все же дошли и Джизакъ взяли, хотя и безъ воды, а взяли... Божья воля на то была... А теперь сами же вотъ сарты плачутся, что нѣтъ въ степи воды хорошей.

И дѣйствительно, у всѣхъ здѣшнихъ станціонныхъ ста-

ростъ вы услышите одну общую жалобу на воду: больно ужъ солоновата на вкусъ, такъ что и люди, и лошади нерѣдко страдаютъ отъ нея желудкомъ. Между тѣмъ чай, поданный намъ на Мурза-Рабатѣ, не имѣлъ ни малѣйшаго солоноватаго вкуса.

— Какъ же это такъ? спрашиваю старосту. — Стало бытъ вамъ доставляютъ сюда изъ Чиназа не только фуражъ и продуктъ, но и прѣсную воду?

— Нѣтъ, говорить, — воды не доставляютъ, мы ее сами дѣлаемъ. Вотъ, какъ ежели дождикъ, сейчасъ кадушки да ведерки на дворъ, и вода готова. А нынче далъ Богъ снѣжку. Какъ только его подвалило малость, мы сейчасъ на степь, кто съ кувшиномъ, кто съ ведеркой, кто съ чѣмъ, и давай собирать снѣгъ, какъ можно больше, чтобы, значить, подолѣе хватило въ запасъ, и даже ледничекъ понабьемъ снѣгомъ вплотную. А потомъ по малости таемъ его и пьемъ, да вотъ и господамъ проѣзжающимъ чайкомъ угождаемъ.

Староста, мурза-рабатскій мужикъ, очень толковый, пожилой и хозяйство станціонное держать въ большомъ порядкѣ.

— Скучно жить на степи-то? спрашиваю у него.

— И какъ же не скучно, сами посудите! Еще который староста женатый, ну баба тамъ, ребятишки, все же имъ веселѣе, всѣмъ-то вкупѣ, хотя и промежъ узбекскаго народа. А я вотъ холостой, одинъ какъ перстъ, самъ себѣ и кухарка, и прачка, и все что хочешь, да еще въ степи, на безлюдьи, какъ не соскучиться!

— Ямщики-то у васъ все киргизы что ли?

— Всякіе, есть и русскихъ малость. Казаки вотъ тоже на станкахъ живутъ малыми командами; эти, значить, для сопровожденія почты, потому на степи иной разъ случается, что и грабятъ.

— По-каковски же, спрашиваю его, — объясняешься ты со своими ямщиками, ежели который изъ сартовъ или киргизовъ?

— А по-ихнему, говорить, — завсегда по-ихнему. Потому какъ всѣ мы, станціонные, живучи промежъ ихняго брата, понаторѣли современемъ и теперь насчетъ разговору ничего себѣ, маракуемъ. Ну и они тоже по-нашему малость выучились. Такъ и объясняемся.

И дѣйствительно, сколько ни попадалось мнѣ потомъ ямщиковъ изъ инородцевъ, всѣ они болѣе или менѣе сносно говорили по-русски.

Станція Мурза-Рабатъ лежитъ на половинѣ пути между Чиназомъ и Джизакомъ, стало быть почти въ центрѣ Голодной степи. Здѣсь есть точно такая же сардоба, какъ и выше-описанная, а сверхъ того неподалеку особо высится четырехстороннее зданіе, съ рядами сферическихъ куполовъ, наугольными башнями, высокимъ порталомъ и фронтономъ. Вся эта обширная постройка выведена изъ жженого кирпича и нѣкогда была украшена эмальированными узорчатыми кафлями. Внутри ея находится просторный дворъ, обрамленный арками крытыхъ галерей, подъ сѣнью которыхъ ютятся ряды комнатокъ. Теперь все это уже въ полуразрушенномъ видѣ, а лѣтъ двѣсти тому назадъ блистало истинно царскимъ великолѣпіемъ. Впрочемъ, зданіе это и нынѣ, какъ въ старину, все еще продолжаетъ, пока не рухнуло, служить путевымъ дворомъ для путешественниковъ и торговыхъ каравановъ, и подобныхъ построекъ, какъ уже сказано, немало разсѣяно по степнымъ дорогамъ бывшаго царства Бухарскаго. Строили ихъ и великіе правители какъ Тимурленгъ, Улугъ-бегъ и Абдуллахъ-ханъ, строили и частныя лица, въ силу какого либо благочестиваго обѣта, на пользу общественную, ибо одна изъ самыхъ высокихъ добродѣтелей Востока — это дать безвозмездный пріютъ и покой страннику. Всѣ подобные дворы, которые приличіе было бы называть дворцами, носятъ названіе рабатъ, что значитъ пріютъ, убѣжище. Иногда къ слову рабатъ присоединяется названіе мѣстности, иногда имя благочестиваго строителя или же его званіе. Такъ напримеръ, Мурза-Рабатъ значитъ убѣжище писца или грамо-

тѣя ¹⁾. Въ данномъ случаѣ строитель изъ скромности скрылъ свое имя, обыкновенно помѣщаемое въ числѣ узорчатыхъ надписей фронтона ²⁾. Зданіе это все болѣе и болѣе приходитъ въ упадокъ; пройдетъ еще десятокъ, другой лѣтъ и отъ него быть можетъ останутся лишь груды мусора, а это жаль, и нашему правительству стоило бы поддержать (хотя бы на суммы земскихъ сборовъ) не только какъ памятникъ прошлыхъ блестящихъ временъ, но и какъ убѣжище всегда необходимое для каравановъ, особенно въ такой непривѣтливой голой пустынѣ.

Слѣдующая за Мурза-Рабатомъ станція, какъ уже сказано, носитъ имя Агачъ-Та-Рабатъ или просто Агачъ-та. Въ переводѣ это значитъ „убѣжище, маленькій садъ“. И дѣйствительно, говорятъ, что еще лѣтъ тридцать назадъ здѣсь почти на мѣстѣ нынѣшняго станціоннаго домика, находился небольшой, но тѣнистый садикъ, орошавшійся водой изъ Джизака посредствомъ арыковъ, которые и въ настоящее время еще врѣзаются на протяженіи около сорока верстъ въ степное пространство; стало быть вопросъ объ орошеніи Голодной степи никакъ нельзя отнести къ числу неразрѣшимыхъ. Затратьте сюда сотню, другую тысячъ — и менѣе чѣмъ черезъ десять лѣтъ вы вернете себѣ изъ этой почвы миллионы.

¹⁾ Мурза по-киргизски, мырза по-татарски и мирза по-таджикски значитъ вполнѣ грамотный и письменный человѣкъ.

²⁾ Впрочемъ, есть и иное объясненіе, почему такое названіе дано этому рабагу. Покойный А. П. Хорошкинъ говоритъ (стр. 67), что по темнымъ преданіямъ края, теперешняя Голодная степь была когда-то, въ особенности по южной окраинѣ своей, хорошо орошена и обработана. Она питала въ ту пору много скота и производила хлѣбъ, такъ что администрація нелишнимъ находила высылать въ степь своихъ агентовъ, въ лицѣ сборщиковъ податей, которые будто бы жили и писали, что имъ было нужно, въ мирза-рабатъ. Можетъ быть оно и такъ, но противъ этого мнѣнія, мнѣ кажется, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что рабаты и сардобы обыкновенно являются только въ мѣстахъ безводныхъ, и что едва ли была надобность воздвигать такіа обширныя и роскошныя палаты для жительства обыкновенныхъ закятчей, для которыхъ, при тогдашней населенности степи, не могло быть недостатка въ помѣщеніи.

Уже давно свечерѣло и погода стояла мягкая, теплая, такъ что не будь тутъ снѣгу, можно бы было подумать, что ѣдешь не въ декабрѣ, а въ концѣ апрѣля. Но вдругъ небо заволокло густыми тучами, и моментально хлынулъ сильный, совершенно лѣтній ливень, заставившій всю окрестность молочно-бѣлесоватымъ туманомъ. Черезъ четверть часа дождь прошелъ; зато тутъ же сразу хватилъ здоровый морозецъ, градусовъ въ десять по крайней мѣрѣ, и въ нѣсколько минутъ заледенилъ всю дорогу съ ея колеями и лужами, и фартухъ нашего тарантаса, и сбрую, и шерсть на коняхъ. Небо совершенно прояснилось, и полная луна засіяла всѣмъ своимъ блескомъ. Удивительно быстрыя и рѣзкія перемены температуры! Переходъ отъ теплой, почти лѣтней ночи къ десятиградусному морозу совершился менѣе чѣмъ въ полчаса, и надо думать, что такой неожиданный сюрпризъ подѣйствовалъ удручающимъ образомъ даже на голодныхъ шакаловъ. Насъ предупреждали на станціи, что теперь ихъ появилось въ степи очень много и что иногда они даже рѣшаются нападать большою стаей на проѣзжающихъ, а потому коли нѣтъ съ собою ружей, то не мѣшаетъ-де имѣть при себѣ на всякій случай револьверъ на-готовѣ. Мы изготовились въ ожиданіи, что авось-либо придется и поохотиться; но шакалы обманули наши ожиданія: они только заливались своеобразнымъ воемъ, напоминающимъ то истерическій смѣхъ, то плачъ больного дитяти, а на насъ не напали. Одинъ изъ нихъ перебѣжалъ черезъ дорогу между экипажами, а трое или четверо другихъ, подпустивъ къ себѣ нашъ тарантасъ довольно близко, вдругъ сорвались съ мѣста и, поджавъ хвосты, трусливо какъ-то, вихлявою побѣжкой пустились удирать въ сторону отъ дороги. Хотя и привычный ко всякимъ невздамъ звѣрь, а какъ заледенило въ сосульки мокрую шерсть, такъ видно очень не по себѣ пришло.

Въ пять часовъ утра въѣхали въ сартовскій городъ Джизакъ. Насколько можно судить въ темнотѣ, городъ, кажись, немалый, улицы и площади довольно просторны, садовъ до-

статочно, лавокъ тоже. Въ особенности эффектны при лунномъ освѣщеніи были высокія зубчатая стѣны и круглыя башни прежней бухарской крѣпости. Русскій Джизакъ находится дальше, въ трехъ верстахъ за городомъ, у подножія Нуратинскаго хребта и въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ укрѣпленіемъ Ключевымъ, которое построено русскими послѣ взятія въ 1866 году Джизака. Это, такъ же какъ и Чиназъ, городъ пока еще въ зачаткѣ, и выйдетъ ли изъ него когда то либо путное въ смыслѣ города — сказать трудно. По крайней мѣрѣ, за первыя пятнадцать лѣтъ его существованія ничего еще не вышло.

Почтовая станція, телеграфная станція, строящаяся церковь, прекрасныя хоромы начальника района, то есть помощника уѣзднаго начальника, построенныя для него на казенный счетъ, и рядомъ тѣсная мазанка, гдѣ по вольному найму отъ себя ютится съ семьей воинскій начальникъ (онъ же и комендантъ), затѣмъ еще двѣ-три такія же убогія мазанки, изъ которыхъ въ одной помѣщается неизбѣжный „ренсковый погребъ“, вотъ и весь русскій Джизакъ. Невольно кидается въ глаза рѣзкая и даже странная разница между роскошнымъ казеннымъ помѣщеніемъ начальника района и вольнонаемною лачугой коменданта. Что за причина такой разницы? Почему тамъ роскошь, а здѣсь убожество? Почему для одного все и ничего для другого? Объяснили мнѣ это тѣмъ, что военно-народное управленіе у высшей туркестанской администраціи, какъ ея созданіе и любимое дѣтище, всегда будто бы было въ „фаворѣ“, а строевая часть оставалась въ загонѣ, въ черномъ тѣлѣ, и потому-де для перваго не жалѣли средствъ, благо они шли изъ народныхъ сборовъ, а у послѣдней усчитывали каждую копѣйку, такъ какъ отпуски на нее идутъ изъ общаго бюджета военнаго министерства. Не берусь судить, такъ ли оно или не такъ, но повторяю, разница между палаццо одного и мазанкой другого кидается въ глаза не только русскимъ, но и туземцамъ.

16 декабря.

Отдохнув на станціи, тронулись въ одиннадцатомъ часу утра въ дальнѣйшій путь, къ горному ущелью, мимо русскаго кладбища, поддерживаемаго въ большомъ порядкѣ.

Справа тянется Нуратинскій хребетъ; вершины его невысоки и большею частью совершенно голы; каменистая почва на склонахъ отличается черно-бурымъ цвѣтомъ, отчего и произошло мѣстное названіе сего хребта „Кара-тау“, то есть черныя горы. По лѣвую же сторону ущелья грозно и сурово вздымались къ небу скалистыя, зубчатые вершины Мальгусара, одного изъ большихъ отроговъ хребта Туркестанскаго. Склоны Мальгусара въ нижней своей части казались сизыми, затѣмъ средняя часть ихъ была подернута хлопьями блуждающихъ жемчужно-бѣлыхъ облаковъ, а заоблачныя, покрытыя снѣгами выси блистали въ солнечныхъ лучахъ ослѣпительнымъ свѣтомъ.

Послѣ двухъ короткихъ и невысокихъ переваловъ, находящихся въ предгорьяхъ, мы втянулись въ ущелье, отдѣляющее Мальгусаръ отъ Кара-тау. По ущелью извиляется быстрая горная рѣчка Санзаръ, названная русскими Змѣйкой. Мѣстами она течетъ между отвѣсными и довольно высокими обрывами, мѣстами же въ совершенно плоскихъ пологихъ берегахъ, усыянныхъ мелкою разноцвѣтною галькой. Дорога нѣсколько разъ пересѣкаетъ Змѣйку по неглубокимъ бродамъ, не выше какъ по ступицу.

Чѣмъ дальше, тѣмъ тѣснѣе становится ущелье. Горы, сдвигающіяся вокругъ, состоятъ изъ сплошныхъ каменныхъ глыбъ аспиднаго и бураго цвѣта. Въ иныхъ мѣстахъ выщербившійся и вывѣтрившійся камень имѣетъ видъ наваленныхъ въ кучу щепъ, досокъ и трухлявыхъ бревенъ; въ другихъ каменные плиты стоятъ торчмя, словно намогильные турецкіе памятники, въ третьихъ отвѣсы горъ представляются какъ бы остатками разрушенной гигантской стѣны, въ которой массивные пласты камня лежатъ одинъ на другомъ, въ родѣ кирпич-

ной кладки, почти правильными кубами. Общій видъ этихъ горъ отчасти напоминаетъ мнѣ суровыя скалы Адена: какъ тамъ, такъ и здѣсь, ни на вершинахъ, ни по склонамъ не замѣчается ни малѣйшей зелени, все голо и мертвенно-угрюмо, и тотъ же самый колоритъ лежитъ на скалахъ, тотъ же черно-бурый камень, какъ бы опаленный и закопченный дымящимися языками большого пламени. Но этимъ сходство и кончается. Въ Аденѣ смерть царитъ и на долинахъ, гдѣ точно такъ же какъ и по горамъ не встрѣтите вы ни малѣйшей травинки; здѣсь же, напротивъ, дно ущелья, вьющееся въ видѣ узкой долинки, представляетъ почти сплошь окопанные участки воздѣланной почвы, на которой торчатъ сухіе стебли сорго и остатки другихъ хозяйственныхъ растений. Тамъ и сямъ ютятся подъ склонами горъ то небольшіе кишлаки, то отдѣльныя сакли; видна жизнь, и дѣятельный трудъ сказывается всюду, гдѣ лишь успѣлъ человѣкъ отвоевать у камня клочокъ удобной и доступной орошенію почвы.

Въ двѣнадцати верстахъ отъ Ключеваго сѣзвившагося ущелье какъ бы совсѣмъ запираетъ вамъ выходъ; но это только такъ кажется, а когда подъѣдешь ближе, то видишь, что тутъ выступили впередъ, одна къ другой навстрѣчу, двѣ громадныя отвѣсныя скалы, толща коихъ состоитъ изъ одного сплошнаго камня. Здѣсь, очевидно, произошла нѣкогда грандіозная геологическая драма, когда единый горный вряжъ разорвался надвое, раздвинулся нѣсколько въ обѣ стороны и образовалъ узкій проходъ, орошаемый нынѣ Санзаромъ. Это и есть знаменитыя Тамерлановы ворота, носящія, по мѣстному, довольно загадочное названіе „Илянъ-Оти“, что въ переводѣ значитъ: змѣя прошла.

Правая скала нѣсколько наклоняется надъ самою дорогой, такъ что когда стоишь подъ нею, то даже жутко становится, и невольно думаешь себѣ: „а ну какъ вдругъ въ этотъ самый моментъ хватить землетрясеніе и съ этой вершины посыплются внизъ вывѣтрившіеся осколки и еле-еле держащіеся пока отслойки въ нѣсколько сотъ пудъ вѣсомъ каж-